

«Послушай, сын. Я произношу эти слова, когда ты спишь; твоя маленькая рука подложена под щечку, а вьющиеся белокурые волосы слиплись на влажном лбу. Я один прокрался в твою комнату. Несколько минут назад, когда я сидел в библиотеке и читал газету, на меня нахлынула тяжелая волна раскаяния. Я пришел к твоей кровати с сознанием твоей вины.

Вот о чем я думал, сын: я сорвал на тебе свое плохое настроение. Я выбранил тебя, когда ты одевался, чтобы идти в школу, так как ты только прикоснулся к своему лицу мокрым полотенцем. Я отчитал тебя за то, что ты не почистил свои ботинки. Я сердито закричал на тебя, когда ты бросил что-то из своей одежды на пол.

За завтраком я тоже к тебе придирался. Ты пролил чай. Ты жадно глотал пищу. Ты положил локти на стол. Ты слишком густо намазал хлеб маслом. А затем, когда ты отправился поиграть, а я торопился на поезд, ты обернулся, помахал мне рукой и крикнул: «До свидания, папа!» — я же нахмурил брови и отвечал: «Распрями плечи!»

Затем, в конце дня, все началось снова. Идя по дороге домой, я заметил тебя, когда ты на коленях играл в шарики. На твоих чулках были дыры. Я унижил тебя перед твоими товарищами, заставив идти домой впереди меня. Чулки дорого стоят — и если бы ты должен был покупать их на собственные деньги, то был бы более аккуратным! Вообрази только сын, что это говорил твой отец!

Помнишь, как ты вошел затем в библиотеку, где я читал, — робко, с болью во взгляде? Когда я мельком взглянул на тебя поверх газеты, раздраженный тем, что мне помешали, ты в нерешительности остановился у двери. «Что тебе нужно?» — резко спросил я.

Ты ничего не ответил, но порывисто бросился ко мне, обнял за шею и поцеловал. Твои ручки сжали меня с любовью, которую бог вложил в твое сердце и которую даже мое пренебрежительное отношение не смогло иссушить. А затем ты ушел, семеня ножками, вверх по лестнице.

Так вот, сын, вскоре после этого газеты выскользнула из моих рук и мною овладел ужасный, тошнотворный страх. Что со мною сделала привычка? Привычка придирается, распекать — такова была моя награда тебе за то, что ты маленький мальчик. Нельзя ведь сказать, что я не любил тебя, все дело в том, что я ожидал слишком многого от юности и мерил тебя меркой своих собственных лет.

А в твоём характере так много здорового, прекрасного и искреннего. Твое маленькое сердце столь же велико, как рассвет над далекими холмами. Это проявилось в твоём стихийном порыве, когда ты бросился ко мне, чтобы поцеловать меня перед отходом ко сну. Ничто другое не имеет сегодня значения, сын.

Я пришел к твоей кровати в темноте и, пристыженный, преклонил перед тобой колени! Это слабое искупление. Я знаю, ты не понял бы этих вещей, если бы я тебе сказал все это, когда ты проснешься. Но завтра я буду настоящим отцом! Я буду дружить с тобой, страдать, когда ты страдаешь, и смеяться, когда ты смеешься. Я прикушу свой язык, когда с него будет

готово сорваться раздраженное слово. Я постоянно буду повторять как заклинание: «Он ведь только мальчик, маленький мальчик!»

Боюсь, что я мысленно видел в тебе взрослого мужчину. Однако сейчас, когда я вижу тебя, сын, устало съжившегося в твоей кроватке, я понимаю, что ты еще ребенок. Еще вчера ты был на руках у матери и головка твоя лежала на ее плече. **Я требовал слишком многого, слишком много.»**

Дейл Карнеги